

Министерство образования Республики Беларусь

Учреждение образования
«Гомельский государственный университет
имени Франциска Скорины»

*Христианский гуманизм
и его традиции в славянской культуре*

Сборник научных трудов

Основан в 2009 году

Выпуск 3

Гомель
ГГУ им. Ф. Скорины
2011

5 Бейко, В. Б. и др. Большая энциклопедия животного мира: Науч.-поп. издание для детей. – М. : ЗАО «РОСМЭН-ПРЕСС», 2009. – 304 с.

6 Беларускі фальклор: Энциклапедыя : у 2 т. Т. 2 : Акапэла – Куцы / рэдкал. : Г. П. Пашкоў і інш. – Мінск : БелЭн, 2005. – 768 с.: іл.

7 Беларускія прыказкі, прымаўкі, фразеалагізмы / склаў Ф. Янкоўскі. – 3-е выд., дапрац., дап. – Мінск : Навука і тэхніка, 1992. – 491 с.

Е. В. Ничипорчик (Беларусь, Гомель)

Снижение порога речевой агрессивности как проявление гуманизма в культуре русского логоса

*Чем больше мы знаем о природе человека
и его поведения, в частности, поведения речевого,
тем более осознаём перспективы гуманизации
общества в жизни.*

А. К. Михальская

Анализируя причины проявления речевой агрессии в обыденном общении, нетрудно убедиться в том, что она обусловлена не только несовпадением жизненных позиций коммуникантов, но и неспособностью или нежеланием говорящего сдерживать раздражение, неумением или же нежеланием вести диалог конструктивно, ориентированностью на свой внутренний мир, а не на мир собеседника, другими словами, неумением или нежеланием любить того, кто рядом. Какие же модели речевого поведения избирать, чтобы они не были восприняты как негуманные, неэтичные, если всё же есть необходимость выразить несогласие, недовольство, осуждение, упрёк, порицание? Ответ можно найти, обращаясь к народно-поэтической культуре. Почему пословицам верят, к ним прислушиваются, их запоминают, ими дорожат? Потому что в них обнаруживается то искомое равновесие между «кнудом» и «спряником», тот искомый баланс между «разрушающей» правдой содержания и «спасающей» кривдой формы, в котором и проявляется гуманное отношение к тому, чью картину мира мы пытаемся откорректировать.

«Чаши весов, на которых находятся положительные и отрицательные оценки, могут и должны находиться в равновесии», – пишет А. К. Михальская, объясняя механизмы снижения порога речевой агрессивности [1, с. 170]. Если принять во внимание то, что пословичные тексты в большинстве своём представляют косвенные речевые акты, становится понятным наблюдающийся в них феномен «гармонизации «отрицательного» и «положительного» в оценках» [1, с. 170]: осуждение, критика, порицание, упрёк облечены в такую форму, которая намекает на то, что речевое действие можно и не должно воспринимать всерьёз, это форма шутки, байки, побасенки, прибаутки, и дело реципиента решать, есть ли в смеховой картине мира та или иная доля истины. Конечно, выражение неодобрения может расцениваться как проявление агрессии [2, с. 11], однако, по мнению А. К. Михальской, «не всякая хула или порицание суть агрессия», те речевые действия, в которых отражается показ того, что они не должны восприниматься всерьёз, являются «стёртыми» формами агрессии, это «скорее имитацией речевой агрессии, чем настоящей агрессией» [1, с. 166]. И действительно, если замечание облечено в серьёзную форму, то оно, как правило, ассоциируется с принижением человеческого достоинства, вследствие чего вызывает несогласие, неприятие у того, кому адресовано: если же замечанию придаётся игровая форма в расчёте на имеющееся у реципиента чувство юмора (то есть с пресуппозитивно заданной положительной оценкой способности реципиента понять и принять к сведению сказанное), то такое замечание расценивается как проявление доверия к партнёру по общению, к такому замечанию, скорее всего, прислушаются.

Приёмы языковой игры, рассчитанные на комический эффект, «смягчение» речи, весьма разнообразны, так как в такую игру могут вовлекаться единицы всех уровней языкового

строения, кроме того, это может быть и «отклонение от лингвостологической модели» – замещение одной речеповеденческой модели другой [3, с. 385–387]. Приёмы языковой игры достаточно хорошо изучены и описаны, хотя по настоящее время ведутся споры и относительно состава этих приёмов, и относительно их функций [3, с. 383–388]. Известны обращения к описанию приёмов комического, паралогичного и в малых жанрах фольклора [4, с. 148–154; 5, с. 259–264 и др.]. В данной статье, определяя наиболее типичные способы придания паремийным выражениям с негативной оценкой юмористической тональности, мы обращаемся к рассмотрению вопроса о том, каковы механизмы снижения порога речевой агрессивности в таких паремиологических единицах.

Состав приёмов придания паремиям юмористической тональности можно выявить, намеренно дифференцируя то, что в паремическом тексте представлено обычно в контаминированной форме.

1 Употребление уменьшительно-ласкательных лексических средств во вторичной функции, а именно для выражения уничижения: *Угорела барынька в нетопленной горенке* [З]; *Обсыно зернышко попало волку в горлышко* [Д]; *Обманули деточку — не дали конфеточку* [Р]; *Что батюшка лопаточкой сгребал, то сынок тросточкой расшвырял* [П]; *Бог даст денежку, а черт дырочку, и пойдет богочу денежка в чертову дырочку* [Р]. Эффект смягчения негативной оценки заключается в эксплицитированном формальными средствами сочувствии, придающем сообщению иллокутивную силу сетования. И хотя сочувствие является мнимым, оно «срабатывает» в плане формирования юмористической тональности, «сглаживающей» остроту критики, направленной в адрес спесивых, капризных, лживых, расточительных людей.

2 Использование антифразиса, а в частности, оценочно маркированных лексических средств для выражения аксиологических значений, противоположных заданным системой языка. Для паремий наиболее типичным является употребление положительно коннотированных лексем с последующим «ретроспективным пересмыслением» их в контексте в отрицательно значимые единицы [6, с. 39]: *Чист молодец: промотался на голую кость* [Д]; *Молодой человек приятной наружности — семь верст в окружности* [Н]; *Щеголь Ивашика: что ни год, то рубашка, а порткам и смены нет* [Д]; *Доброго человека да лихие люди в клетки поймали* [Д]; *Человек он умный, только мало смыслит* [Д]; *Находчив парень: на крутую кашу распоясался* [Д]. Такая разновидность антифразиса именуется иронией, имеющей тропенческую природу [3, с. 50, с. 143–144]. Ирония-троп участвует в формировании уникальной структуры, в границах которой порицание уравновешено хвалой. По мнению А. К. Михальской, подобное равновесие является своеобразным риторическим идеалом, к которому должен стремиться каждый, кто заботится о воспитании нравов: «Ни одно высказывание <...> не должно содержать только «хулу», а если порицание необходимо, оно должно уравновешиваться «хвалой» в границах этого высказывания» [1, с. 170]. И несмотря на то, что положительная оценка в ироническом контексте является мнимой, говорящий «рассчитывает вызвать у реципиента улыбку и настроить его на оптимистическое восприятие речи» [7, с. 96]. Разнообразны языковые средства, реализующиеся в мнимопозитивном значении, синтаксические конструкции, в которых проявляет себя ирония, различной может быть и степень снижения порога агрессивности в таких выражениях: *Хорош, пригож — на лиху болезнь похож* [Д]; *Хороший! Когда спит да лицом к стене лежит* [Д]; *Добр детинка, да лиха хмелинка* [Д]; *Парень золотой, да руки глиняные* [Д]; *Молодец против овец, а против молодца и сам овца* [З]; *Что вашему пригожеству до нашего убожества?* [Д]; *Хорош: давал за него чёрт грош, да спятился* [Д]; *Такая красавица, что в окно глянет — конь прянет; на двор выйдет — три дня собаки лают* [Д] (см. об этом подробнее [6, с. 39–40; 8, с. 331–336]).

3 Инонаименование субъекта оценки, создающее «тайну», скрывающее настоящее имя носителя негативных качеств. Реципиент в условиях такой игры (где «я» может быть и не «я») вправе не принимать сказанное на свой счёт, ведь формально речь идёт не о нём. Средства создания такого эффекта — обращение к образу, «чуждому» имени собственному, вообще к «условному» имени со смещённым денотатом, который остаётся загадкой: *Смирен*

топор, да веретено бодливо [Д]; Не смейся, квас, не лучше нас! [Д]; Прочь, грязь, навоз едет [Д]; Собаке вольно и на свой хвост брехать [Н]; Не бывает бычком лягушке [З]; Ворона за море летала, да так вороной и осталась [З]; Ушел посол и утонул в рассол [Д]; Фалалей не папел в избе дверей [Д]; Потерял Мартын отцов алтын [Д]; Видать, Акулина пироги печла все ворота в тесте [Н]; Писал Макарка своим огарком [Д].

4 Инонаименование ситуации в целом, перифрастическое, аллегорическое представление действительности. Это тоже игра с образами, правда, последовательно осуществляющаяся на протяжении всего текста. По мнению Й. Хёйзенги, это и есть перевозданная культура, так как «первозданная культура не выходит за рамки, очерченные игрою», игра облекает образы тайнами. «так что каждый образ – играя – разрешает какую-нибудь загадку» [9, с. 137]: *Пошел черных кобелей набело перемывать [З]; В одном кармане бошь не аркане, в другом блоха на цепи [Д]; Тут волк в пистухах, а лиса в птичницах [Д]; Скинула змея кожу, да яд остался при ней [З]; Речи у тебя сахарные, а за пазухой камушек [З]; Правда истомилась, лжи покорилась [Д]; Авоська вереску вьет, небоська петлю накидывает [Р]; У него чердак без верху: одного стропильца нет [Д]; Пустили погреться, а он уж и детей крестить [Д]; Повадилося кувшин по воду ходить, там ему и голову сломить [Д];*

5 Гиперболизация также представляет собой один из способов инозначивания, ориентированного на создание юмористической тональности. Преувеличение, равно как и преуменьшение, – маркёр намеренной лжи, игры воображения, санкционирующей возможность «не верить» сказанному и за счёт этого смягчающей категоричность оценки: *Пока баба с печи летит, семьдесят семь дум передумает [Д]; Наговорил сорок бочек арестантов [З]; Нос с локоть, а ума с пюготь [Д]; С печали шея равна с плечами [Д]; Ограда выше колокольни [З]; Этот нос – через Волгу мост [Д].*

6 Намеренное отклонение от лингвоэтологической модели. Это целый ряд иллюкутивных фигур, представляющих игру с интенциональными значениями. Одной из типичных разновидностей такой игры в русском паремийнике является использование во вторичной функции (для выражения неодобрения, уничтожения, осуждения) фраз, формально реализующих рогативную функцию: *Здравствуйте, мои рюмочки, здорово, стаканчики, каково поживали, меня поминали? [Д]; Ну-ка мы за вино, не прокисло ль оно? [Д]; Аль я вишовата, что рубаха оыровата? [Д]; Что за лихо стало – от круп иль от сала? [Д]; Дядя горох, не видал ли ты моих коров? [Д].* Смех над пьяницей, неряхой, притворщиком, воришкой и другими отрицательными «героями» завуалирован в форме вопроса. Потешаясь над объектом оценки, говорящий как бы ставит себя на его место, инициирует диалог от его лица. При таком представлении дел порицаемому остаётся только посмеяться над самим собой.

7 Мнимая похвала и мнимое сегование. Данные иллюкутивные фигуры (так же, как и предыдущий приём игры с интенциональными значениями) представляют собой метасообщения, именуемые иронией в широком понимании данного термина (вид комического, заключающийся в вуалировании критического отношения к объекту осмеяния) [3, с. 144]. Такого рода замещения одной речеповеденческой модели другой не связаны в обязательном порядке с употреблением в структуре выражения компонентов с транспонированным оценочным значением, как в антифразисе (ирония-тропе) [3, с. 39]. Сравн.: *Наши Мирошка ест и без ложки [Д]; Наши Гит и под лавкой спит [Д]; Наши Сергеунька не брезгулька, ест пряники и петисаные [Д]; День по оно хуже, а платье ужже [Д]; Беды натворил, цуку с яиц согнал [Д]; Не могу, а ем по пирогу [Д]; Хвораю, а ем по караваю [З].* Однако и в том и в другом случае скрытость подлинных смыслов, некоторая степень утрированности оценки, придают выражениям и очарование лёгкого «стёба», и безобидность восприятия.

8 Имигированный диалог (прибаутка). Прибаутки всегда шуточны по своему содержанию. Созданные, по мнению В.И. Даля, мастеровыми, «баюющими» с людьми, развлекающими рыночную публику, прибаутки не лишены сатирической направленности [10, с. 12]. Правда, смех над людскими слабостями при этом совершенно безобиден, ведь герои шуток подобны лубочным персонажам – вымышленные, шаржированные. В композиционном

плане прибаутки весьма разнообразны: это диалоговые единства, состоящее из двух, трёх, четырёх и более реплик, при этом, как правило, в последней реплике заключена соль шутки, неожиданная развязка, разоблачающая того, против кого направлено острие сатиры, свидетельствующая о какой-либо нелепости, жизненном парадоксе и т. п.:

- Окуля, что шьешь не оттуля?* – *А я, матушка, еще пороть буду* [Д];
– *Почем нанялись?* – *Да семь дней работы, а спать на себя* [Д];
– *Разбуди меня, мама, завтра пораньше!* – *Что так?* – *Да вот хлебушка-то ломоть доесть: теперь уж не смогу* [Д];
– *Тит, поди молотить!* – *Брюхо болит.* – *Тит, поди кисель есть!* – *А где моя большая ложка?* [Д];
– *Пойдем в церковь!* – *Грязно.* – *Ну так в шинок!* – *Разве уж под тыном пройти?* [Д];
– *Что весел?* – *Да женюсь.* – *А что головушку повесил?* – *Да женился* [Д];
– *Собака, что лаешь?* – *Волков пугаю.* – *Собака, что хвост поджала?* – *Волков боюсь* [Д];
– *Батька, ты пирог съел?* – *Ей-богу, не я.* – *А хочешь еще?* – *Хочу* [Д];
– *Который час?* – *Ячный квас.* – *Сколько минут?* – *И ковшик тут* [Д];
– *Что делаешь?* – *Воду толку в ступе.* – *А пыль идёт?* – *Нет.* – *Толки ещё!* [З];
– *Зануздай мою кобылу.* – *А сам что ж?* – *Ломоть в руках.* – *Ну, положи в шапку!* – *Да не лезет* [Д];
– *Федул, что губы надул?* – *Да кафтан прожёт.* – *Зачинить можно.* – *Да иглы нет.* – *А велика дыра?* – *Да один ворот остался* [Д].

9 Намеренное «отклонение от нормы онтологической» [З, с. 388] обнаруживает себя в паремиях-небылицах. Небылицы, несуразицы в той же мере, что и прибаутки, карикатурны в изображении порочного человека, однако небыличный сюжет даже при максимальной степени прозрачности намёка на то, что подвергается осмеянию, не порождает злого смеха, ведь то, о чём идёт речь, «не бывает» в жизни: *Выменял слепой у глухого зеркало на гусли* [Д]; *На зубах мозоли натер* [Д]; *Волоса моль съела (о притворной болезни)* [Д]; *Вятичи корову на баню за-таскивали – чтоб съела траву на крыше* [З]; *В лыковом кошелёе кашу варили* [З]; *Блинами острог конопатили* [З]; *В колодезь воду носили* [З]; *От дождя под бороной хоронились* [З].

Столь же безобидны субъектно-объектные, временные перевёртыши, аналогии-потешки: *Не бойся собаки: хозяин на привязи* [Д]; *Комар парню ногу отдал* [Д]; *После ужина горчица* [Д]; *Пушкин умер, Толстой умер, и мне что-то нездоровится* [З].

Данный перечень игровых средств, используемых в русских паремиях с расчётом на комический эффект, понижающий порог речевой агрессивности, не является полным. Однако обращение и к этому небольшому списку убеждает нас в том, что лучшим способом предотвращения деструктивного влияния негативной оценки на реципиента является придание форме её выражения юмористической тональности.

Условные сокращения

З – Зимин, В. И. Пословицы и поговорки русского народа // Объяснительный словарь / В. И. Зимин, А. С. Спириин. – М. : «Сюита», 1996. – 544 с.

Д – Даль, В. И. Пословицы русского народа / В. И. Даль. М. : Изд-во Эксмо, Изд-во ИПП, 2005. – 616 с.

И – Русские пословицы и поговорки / сост. Е. Ю. Нецименко. М. : РИПОЛ КЛАССИК, 2002. – 304 с.

Р – Мудрое слово. Русские пословицы и поговорки / сост. А. А. Разумов. – М. : Гос. изд-во Детской литературы Мин. просвещения РСФСР, 1957. – 239 с.

Литература

1 Михальская, А. К. Русский Сократ : лекции по сравнительно-исторической риторике : учеб. пособие для студентов гуманитарных факультетов / А. К. Михальская. – М. : Издательский центр «Academia», 1996. – 192 с.

2 Соловьева, Т. К. Речевая интенция неодобрения в русском языке (номинативный и коммуникативно-прагматический аспекты): автореф. дис. на соиск. учен. степ. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Т. К. Соловьёва, Тверской гос. ун-т. – Тверь, 2005. – 17 с.

3 Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты / под ред. А. П. Сковородникова. – М.: Флинта, Наука : – 2005. – 480 с..

4 Норман, Б. Ю. Логика языка в зеркале народной мудрости (на материале белорусских паремий и фразеологизмов) / Б. Ю. Норман // Працы кафедры сучаснай беларускай мовы. Вып. 5. Да 70-годдзя з дня нараджэння д-ра філал. навук, праф. Арыольда Яфімовіча Міхневіча / рэдкал. А. Я. Міхневіч (адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск : РІВШ, 2006. – С. 148–154.

5 Алеференко, Н. Ф. Фразеология и паремиология: Учебное пособие для бакалаврского уровня филологического образования / Н. Ф. Алефиренко, Н. Н. Семенченко. – М.: Флинта, Наука, 2009. – 344 с.

6 Бочина, Т. Г. Контраст как лингвокогнитивный принцип русской поговорки: автореф. дис. на соиск. учен. степ. д-ра филол. наук : 10.02.01 / Т. Г. Бочина, Казанский гос. ун-т. – Казань, 2003. – 50 с.

7 Ничипорчик, Е. В. Алогичное как средство оценки в паремическом тексте (на материале белорусских поговорок) / Е. В. Ничипорчик // Сучасны стан і дынаміка норм беларускай літаратурнай мовы: Матэрыялы міжнароднай навуковай канферэнцыі 24–25 кастрычніка 2006 г., г. Мінск. – Мн., 2006. – С. 96–100.

8 Ничипорчик, Е. В. Деинтенсификация негативной оценки в паремическом тексте (на материале русских и белорусских паремий) / Е. В. Ничипорчик // Традыцыі матэрыяльнай і духоўнай культуры Усходняга Палесся : праблемы вывучэння і захаванняў постчарнобыльскі час : зборнік навуковых артыкулаў / рэд. кал.: А. А. Станкевіч (гал. рэд.) [і інш.]. – Гомель : ГДУ імя Ф. Скарыны, 2006. – С. 331–336.

9 Хейзинга, Й. Homo Ludens / Человек играющий. Статьи по истории культуры / Перевод с нидерландского и соед. Д. В. Сильверстова. – 2-е изд., испр. – М.: Айрис-Пресс, 2003. – 496 с.

10 Даль, В. И. Пословицы русского народа / В. И. Даль. М.: Изд-во Эксмо. Изд-во ННН, 2005. – 616 с.

Т. А. Осипова (Беларусь, Гомель)

Вербализация ключевых концептов в творчестве Б. Пильняка

Концепт, концептосфера, картина мира – важнейшие понятия когнитивной лингвистики. Концепт можно определить как «дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека [...] и несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении [...]» [1, с. 34]. Для нашего исследования важно понятие индивидуальной концептосферы – определенным образом структурированной совокупности знаний и представлений, которой обладает языковая личность – художник слова. Индивидуальную концептосферу писателя составляют ключевые концепты, получающие языковое выражение в его творчестве. Картина мира – это упорядоченная совокупность знаний о действительности, сформировавшаяся в сознании человека или общества [1, с. 51]. Художественная картина мира – опосредованная, в отличие от наивной картины мира [1, с. 53]. Этот термин применяется при анализе текстов художественных произведений. В художественном тексте концепты вербализуются специфически, согласно авторскому видению мира.

Борис Пильняк – один из выдающихся русских писателей, который был репрессирован за свои идейные взгляды, выраженные в художественных произведениях. Его роман «Гольбейн гол», который получил широкую известность и был издан на многих языках, подвергался нападкам советской критики. Его ругали за то, что он видит революцию «стихийной, неорганизованной, сравнивает ее с метелью, считает очищающей, но ненаправленной, не управляемой никем силой, вроде урагана» [2, с. 589]. Одно из самых совершенных произведений Бориса Пильняка — «Повесть непогашенной луны». Прототипы главных героев повести Первого и Гаврилова (Сталин и Фрунзе) были сразу узнаны. Писатель напоминает: тот, кто убивает и, более того, делает убийство системой, не уйдет от возмездия. Тема смерти является главной в повести и подкреплена главным образом мотивом крови. Кристика обвинила Б. Пильняка в том,